

Ну и снега навалило. Просто пипец какой-то. Во дворы лучше не соваться — не разгребешь, и сейчас опять пошёл. Коля сидел в своей машине, и разложил бухгалтерию на всё, на что можно положить в машине: бланки отчетности лежали на торпедо, на коленях, на пассажирском сидении. Где-то бабахнула петарда, «Малолетки забавляются». Ба-бах! Еще одна. «Блин. Идиоты, китайские же... не понятно где рванет, да и погода сырая, отмокнуть могут». Он потянулся и сделал музыку погромче. Так, нужно найти, где тут ставить печати и подписи. Он припарковался на улице, напротив дома своей бухгалтерши Людочки. Обещания нужно выполнять — три дня конца срока сдачи отчетности, а он все никак не завезет ей документы. Но тут были и свои тонкости. Николай откладывал это занятие, потому, что не хотел к ней заезжать с утра, и позвонив, предварительно сказал, что будет после обеда, чтоб её муж был дома, и сегодня именно такой случай. Иначе будет, так как это было уже не один раз. Хотя... Но... нет, не хочется...

И тут бабахнуло!! Это был обычный взрыв петарды, но после него Николай услышал крик. «До игрались». Через запотевшие окна не было ничего видно, он включил дворники: — не видно, открыл окно пассажирской двери и увидел, что напротив машины, на тротуаре, в снегу корчится от боли парень, а возле него на коленях сидит перепуганная девушка. Шок был у обоих. Нужно что-то делать. Он оглянулся — вокруг никого, какая-то бабушка медленно переходили дорогу метрах в пятидесяти, — пусто. Коля сгреб бумаги на переднее сидение, и выскочил из автомобиля. Парень зажимал одну руку другой. Обе были в крови. Девушка сидела перед ним на коленях как в ступоре. Глаза стеклянные, молчит, только и хватило сил на один визг.

— Что случилось? — тишина. Молчат обое. Он стонет, она повернула голову к нему и тоже молчит. «Симпатичная».

— Телефон его родственников знаешь? — глухо.

Николай попробовал залезть в карман к парню, и тут, он ослабил зажим на руке, и Николай понял, что дело плохо — скорая по такой погоде хрен знает сколько будет ехать, родственники тоже, нужно самому везти в больницу. Крови на снегу было порядочно.

Аптечка в машине на месте — это он знал точно. Зубами оторвал обертку на стерильном бинте и попробовал перевязать, но парень до сих пор корчился от боли. Отрывать зажимающую руку не решился, и просто, намотав побольше бинта и оторвав его, дал парню, как тампон, чтоб кров впитывалась,

— Давайте, отвезу вас в больницу.

Он поднял парня на ноги — «Тяжелый, сколько ему лет?», и буквально затащил на заднее сидение, «Девочку куда?».

— Ты с нами?

— Да, да я с вами, обязательно.

«Может, останется с ним, дождется родственников».

Она села рядом с парнем, на заднее сидение. Дорога заняла минут тридцать. Снег, конечно, никто и не думал убирать, и все кто был на улице, автомобили, пешеходы, активно втаптывали его — автомобили, для того, чтоб потом скользить, пешеходы, для того, чтоб потом падать и ломать кости. А куда деваться, если жизнь идет, а никто ничего не убирает?

Они и понятно — к весне все само растает.

— Больного везем, — пришлось гаркнуть дядьке при въезде не территорию больницы, когда тот пытался сбить деньги.

Парень уже отошел от шока и начинал выть. «Черт, не в том месте, не в то время». Припарковался. Кого искать? Где тут приемный покой или дежурный врач? Вбежал в помещение — 10 минут ушло на то, чтобы разобраться в ситуации. Прибежали три тетki в белых халатах, судя по их качеству — одна уборщица и две медсестры.

— Врача позовите! Мне врач нужен!

— А где можно сесть? — Николай обернулся, и увидел, что девочка держит парня и буквально тащит его на себе, «Вот умничка».

— Там машина, её нужно закрыть. «Молодчинка».

Выскочил на улицу, нажал на пульт.

А в холе девочку уже пытались расспрашивать. Что делать Николай знал: назвал фамилию, имя, дал отксерить права, оставил номер мобильного телефона.

Почему-то захотелось защитить девочку от всех этих теток: она-то в чём виновата.

— У нас ничего не пропадает! — «Ага, щас!!!».

Достал у парня, портмоне, «классная кожа!» — отметил про себя, мобилку, мелочь оставил. «Вроде разобрался». Николай оглянулся — девочка топталась на месте.

— Ты знаешь, кому лучше позвонить? Папе или маме?

Она почему-то опустила глаза, поправила правой рукой волосы, пыталась заправить их за ухо, но они растрепались и не хотели заправляться. «Блин симпатичная, жалко маленькая». Русые волосы растрепались, цвет глаз Коля не видел, но личико слегка продолговатое, ушки маленькие, какие-то сережки — как две маленькие точки, пуховичёк явно не моднячий, темные гамаша и сапожки. Куколка.

— Вы родственникам позвоните? — еще одна женщина в халате, но явно врач. Взгляд прямой, смотрит не отводя глаз.

— Сейчас, минутку, разберемся.

«А парень-то побогаче будет». На нем дубленка.

Николай начал листать записную книжку в мобилке, тут все как обычно: паша — танки, мама, папа (не батя, не или как-то иначе), танюха, сестра, Ната (это имя написано с большой!).

— Как тебя зовут? — девочка подняла глаза.

— Наташа.

— Коля, Николай, — представления были короткие.

— Кому лучше звонить?

— Маме, наверное. «Наверное, значит не знакомы».

Николай набрался духу, и набрал номер.

Они ехали в машине молча. Отходняк. Разговор с родственниками был тяжелый, руки у Николая тряслись до сих пор. Все-таки хорошо, что он не послушал девушку и позвонил отцу парня, мужики лучше соображают в таких ситуациях. Назвал номер своего телефона и на него сразу же перезвонили. Дал записать свой адрес, зимой ночь подбирается быстро — а еще ехать. Они решили, что Николай оставил портмоне и мобилку парня у себя. Больница всё таки. Договорились — подъедут, он всё отдаст родственникам. Но оставаться больше в больнице до их приезда он не хотел: это еще минимум час — причитания, расспросы.

Снег медленно валил и валил. Уже по колени, ничего зимняя резина — «Продеремся». Тишина, даже рука не тянется музыку включать, Тепло и тихо, мотора почти не слышно. — Куда тебя? — тишина, молчит.

Он посмотрел на часы — пять!! А уже темно! Черт, и время детское, и после «такого» никуда не хочется.

— Давай ко мне, мне бумаги нужно подписать, отойдем, я тебя потом подкину.

«Все равно они где-то возле Людочки живут, может ещё и успею».

Она только кивнула в ответ и опять непослушные волосы не захотели заправляться за ухо. Третий этаж. Квартира съемная, по знакомству снял. Почти уже родная. Сколько тут, воспоминаний.

Она начала сама раздеваться сразу. Обычно женщин в свой квартире он сам раздевал, и им это нравилось. Пальто помогал снять, сапожки стянуть. Но к этой девочке-девушке он, как-то боялся подойти. Снял свои ботинки — мокрые, в снегу, в подъезде не захотелось отряхивать, еще соседи смотреть будут, кого он опять привел к себе.

Под пуховиком был пушистый свитер, который спускался ниже пояса сантиметров на двадцать, под свитером — облагающие гамаши или брюки, и ничего более.

«Она мне доверяет». «Ну да, после произошедшего».

— Что будешь? Чай, кофе? — И тут он увидел её: девушка, которая только начинает понимать свою красоту, начинает ощущать свою власть.

Она оглядывалась, поправляла волосы, и переступала с ноги на ногу. Гамаши, колготы — в этом он не разбирался, были на носочках протерты, но без дырок, косметики на лице не было, немного глаза подведены, и всё.

Коля присел, достал «гостевые» тапочки, и улыбнулся...

— Всё уже нормально, Всё нормально.

Прошли на кухню, он оставлял везде включенным свет, чтоб она еще больше расслабилась.

— А давай я тебе глинтвейна сделаю!

— А что это?

— Теплое вино со специями, тебе уже можно? — глаза ей были карие, глубокие как омут.

— Да, только немножко.

Что тут сложного — вина на чашку налить в посуду, поставить на огонь, бросить несколько кусочков сахара, две-три штуки, гвоздики, ванили и корицы, еще черного перца несколько горошин, пять минут и готово. — А Вы что будете?

— Чай себе сделаю.

Деревянная ложка грязная, не успел посуду помыть. Пришлось срочно это делать, и мешать, мешать — не дать закипеть. Начало пузыриться — всё. Выключил. И накрыл крышкой, Настаивается, стынет.

Он смотрел на неё в упор — красивая чертовка, парни, наверное, косяками валяются.

Начали пить свои напитки, Прошло минут пятнадцать, и её прорвало. «Одноклассники, шли к нему дома (днем, пока родителей нет!), учатся вместе, (опять повторила), 2-я школа, учатся хорошо, он лучший по математике, ей литература проще дается. А вообще углубленно изучают иностранные языки. Зовут его Артём».

— Он твой парень?

— Да так... учимся, гуляем.

К своим 27-ми Николай научился читать женщин. И, потихоньку, попивая чай, он начинал

понимать ситуацию: крутой парнишка подбил клинья к девчонке, и потихоньку водил её к себе, естественно, когда родителей дома не было. Шли они сегодня, и он решил выпендриться — поджигал и кидал петарды, пока одно чудо китайской пиротехнической промышленности не рвануло у него в руке. Теперь лечить будет долго... Что там еще останется от неё?

Наташа покраснелась, и Коля понял, что ей жарко. «Не... раздеваться я ей не предложу».

— Ты один живешь?

Он снисходительно усмехнулся — уже на «ты».

— Да, Страшно?

— Нет. «Нет» было твердое.

— Я там, в комнате буду, мне еще бумаги нужно проштамповать.

Сел на пол, минут пять ушло, чтоб разложить бланки вокруг, и еще минут десять, чтоб опять заново отсортировать их. Тут он услышал, как заурчала вода в унитазе, и:

— Давай я тебе помогу.

Она была без свитера. А разве футболку не нужно заправлять в колготы? Значит, вытянула из, таки это просто теплые колготы, а волосы распустила и не пытается уже за ухо их спрятать. Заколок нет. Почему? Чтоб не потерять? Значит таки за сексом шли. Школьнички.

Он сел на кресло. Она на пол. «Черт, может удастся отвлечься». Она была уже не девочка, прошла подростковая угловатость и тело уже округлилось в нужных местах, грудь — «Размер второй, в самый самый. Черт, о чём я думаю, где тут место для подписи? Как сидит! Ножки сдвинула». Но коленки только подчеркивали округлость её бедер.

Она с пола подала пакет документов, и Николай начал лихорадочно искать: куда тут нужно шлепать печати? «Эти полугодовые отчеты, чтоб их...». Вставать с кресла сейчас опасно. Она подала бумаги, и её рука легла в его руку... Она сама вложила. Она сама хочет его касаться. Еще три пакета документов и всё. Наташа держала бумаги и смотрела в его глаза. Щеки просто горели. Она сама смотрела в его глаза и протягивала руку. Николай посмотрел на нее сверху — она не отводила взгляд. Флюиды можно было собирать ведрами. Пережитое показало, кто является кем. Доверия друг к другу — вагон и тележка.

«Она хочет».

— Я совсем не пьяная, — откуда-то достала пустую чашку, — совсем не опьянела. «Конечно, такое количество адреналина».

Встала, опять начала поправлять волосы. «Волнуется». Грудь вздымалась как у бегуньи. Он протянул её к себе и посадил на перило кресла. Колени соприкасались.

«Сколько ей, какой класс? Хрен поймет этих женщин, с их возрастом».

— Когда у тебя День рождения?

— В марте будет, — «Ясно, Рыбки, сами не знают, чего хотят».

Он протянул руку и прикоснулся к её спине, футболка ничего не могла скрыть — она напряглась, но он не отрывал руку, и под теплом руки мышцы расслабились, она положила свои колени на его.

Потом наклонила голову ему на плечо.

— Пожалуйста.

Николай повернул голову, и поцеловал её в лоб. Рука на спине почувствовала, как она опять напряглась. Наташа подняла голову и подставила губы. Они были сухие и горячие. Нужно исправлять: его язык прошелся по её губам, и она сразу потянулась, язык еще глубже, и она ещё больше поддалась навстречу, её левая рука запрокинулась на его шею. «Неудобно». Она

сидела то ли на подлокотнике кресла, то ли у него на коленях, и он правой рукой гладил её спинку. Для его правой руки это было унижительное занятие, Нужно её пересадить. А сидеть ей точно неудобно — джинсы просто взрывались.

Он опустил правую руку под попу и хотел приподнять её, но она подняла две руки вверх. «Рано снимать, Хватит тут мучиться».

— Пошли.

Он встал и потянул её за собой в спальню. Его гордость — кровать, с заказным матрасом, сейчас будет держать ещё один экзамен. В спальне было темно.

— Не включай.

Руку под голову, положил на кровать во весь рост. Футболка поползла вверх. «Черт, какая кожа, сплошной бархат». Сейчас ему было некогда чувствовать, как она откликается на его поцелуи. Николай сам наслаждался своими ощущениями, губы перебирали каждый сантиметр, пупок, потом ложбинка вверх, потом правый бок, успевай только губы смачивать... Какой кайф целовать такую кожу!! Он очнулся от наслаждения. Наташа уже стонала. А футболку еще и не сняли! Он выше задрал её, и она лежа, попыталась, скрестив руки, снят.

— Я сам.

Задрал её повыше — лифчик. Не стал расстегивать, а просто просунул руку и, понял, что нельзя так делать, старые любовники это могут позволить — вынуть из чашечек лифчика груди, но вот так, здесь, нет нельзя. Он аккуратно расстегнул застежку одной рукой — хлоп и — все, они на свободе. А потом вместе с футболкой — на стул. Это просто, кайф. Он смотрел, и не мог налюбоваться. Откинул волосы с её лица — глаза закрыты, губы пересохла, то ли от вина, то ли он стонов, одним движением стянул свой пуловер с футболкой. Сработал рефлекс — «В душ! Да какой тут душ!». Тихонько прикоснулся губами к её щеке. Ответ немедленно — как росток к воде, повернулась и прижалась, и остановилась — груди прижимались к мужчине. Открыла глаза и улыбнулась. Он хотел её целовать. Тут столько мест для кайфа.

Еле оторвался — губы, потом шейка, потом плечи, она опять зажурчала стопами. Куда не поцелуй, она отвечала. Он просто боялся прикоснуться у грудям, но как так, без них. Губы сами нашли сосочки, и прижали их. Как она стонала! Какой кайф, от поцелуев! Он протянул свое колено и надавив оно зашло между её ножек. Потом поплотнее прижал колено к ее сокровищу, а сам опять занялся грудями. Она не могла переключиться, с одного ощущения на другое, слишком много, попой она начала прижиматься поплотнее к его колену и при этом открывать глаза, осмысленного взгляда в её глазах не было.

Голова качалась то ли в такт поцелуев, то ли такт надавливания колена.

Он убрал колено, лег рядом и протянул правую руку в резинке. Вдох и рука уже там. Волос почти не чувствуется, такие они нежные. Коленки расставлены, рука накрывает вход и он понимает, что она сейчас взорвется, нужно только ритм подобрать. Средним пальцем провел меж губок вниз, один поцелуй в левую грудь, потом губы вбирают поглубже — палец вверх, и так вверх — вниз. Сока было на троих. «Соседи меня убьют». Это был не стон — рык. Наташа сжала скулы, открыла глаза, выгнулась и пыталась вывернуться от его руки. Дернулась вправо, к нему, её колени сжались, как тиски вместе с рукой, и она крутанулась на противоположный бок. Её руки нашли подушку, и подтянув её она начала кусать, заглушать свои стоны.

«Рука, сейчас ломает. Нет обошлось, сгрызет подушку... полегчает». Минут пять тут делать нечего, Николай помягче вытянул руку. «Как там так мокро». И прижался к её спинке.

Класс... Как он любит такие моменты, когда маленькое нежное существо ещё в конвульсиях трясется возле тебя. Наивысший кайф. Поцеловал в шейку, плечико. Класс. Он тихо отодвинулся, укрыл её и пошел на кухню. Нужно воды принести. Захватил по дороге чистое полотенце.

— Куда ты делся? Иди...

— На — попей водички.

Подтянула одеяло к себе, натянула на горло и села: голая спина, но прикрытая грудь. Смешнющие эти девушки. Он вытянулся рядом, голый торс, но джинсы на месте. Только ремень расстегнут, иначе завтра пришлось бы идти к травматологу, член рихтовать.

Выпила чашку, и легла рядом.

— Что это было? Это то, что я думаю? — спросила она.

— Наверное, я ж не знаю, о чем ты думаешь.

— Ты все так чувствуешь тонко, у меня голова кружится, мыслей нет, — плюхнулась рядом.

— Полежи, отдохни, — Николай наклонился и поцеловал её в губы.

Ответила, и прижалась. Но колени сдвинула. Ага попа поднялась — хочет снять, нужно помочь. Колготы с содержимым, но под одеялом. Всё — освободил. «А я?!». Но она потянула его к себе. «В джинсах? Сам что ли?». Выходит, что да, сам. Николай правой, потом левой рукой стянул джинсы с трусами до колен, потом пятками ниже и сбросил их на пол. Всё — голые. Под одеялом колени распахнулись, и Николай осторожно перебрался через её ногу, на самое приятное для любого мужчины место в мире. Он смотрел ей в глаза, но в темноте её полузакрытые карие очи ничего не выражали, и... — ничего не происходило. «Опять я».

Тут он понял, что она просто еще ничего не умеет, может и кончала в первый раз. Стресс, адреналин, потом глинтвейн, секс. Ничего он справится. Главное, на Людочку, на завтра, оставить, а то без его «извинений», она не понесет сдавать отчеты. Он начал заново её возбуждать поцелуи, шейка, грудь, но она потянула его на себя — между расставленных ног, замерла. «Бойтся? Чего? С парнем-то это делали».

— Осторожно, со мной, а то мне будет больно.

«Ничего, растянется, я медленно и нежно». «БОЛЬНО?! Не я ж пил!! Вот соображалка дубовая!».

— Больно?.

— Да.

— Я?

— Да, — прервала вопрос.

Все стало на свои места. Вот поэтому её парень выпендривался перед ней — хотел показаться еще большим мужиком, докидался, гадёныш малолетний, а я теперь за него должен тут всю кровавую работу делать. Вот характер — настроилась, так настроилась.

«Может как-то отмазаться, кончила и хватит».

— Нужно одеть.

— Нет, мне можно.

«И дни подобрала, настоящая женщина!!».

И её «Пожалуйста» стало на место. Все должно быть вовремя.

«А этот куда уже наострился?». Его член жил своей жизнью. Ага, это они вдвоем договорились обо всем: он скользит по губкам, а она постанывает. Слишком твердый. Будет больно. Он стал целовать её, в губы, в шейку, ниже дотянуться не мог — согнуться было трудно,

а член гладил вниз, он проникал сквозь губы совсем чуть-чуть, раздвигал их и скользил вверх, потом вместе с ней — вниз. Наташа опять заводилась, но теперь только от прикосновений вниз. Ритм сама поймала, он не сопротивлялся, и вот опять накатывало на неё, только теперь никуда не денется. «Не дам скрутится». Потому, что прижимает её к простыне. Орала в ухо, как в первый раз. Дерг влево, вправо — он был везде, потом обмякла и прижала руками. Отпустила.

Сейчас самое время — он взял левой рукой, ура — немного мягче стал, и снизу нашел углубление, маленький проход. «Блин, двадцать семь, а опыта никакого!! Ни разу!» И надавил. Она поняла, прикусила губу.

— Ой, ай.

Но он придавил плечами, и вошел. Там было очень тесно. «Очень тесно, я так долго не смогу». Назад — и член опять твердый, как камень, каждое движение как попытка — попытка продлить кайф. Сколько раз он сделал движений, он не знал. Много нельзя было — когда женщине больно, какой от этого кайф? «Всё, больше не могу». Еще больше раздулся — Наташа опрокинула голову, её глаз видно не было, и Николай не выдержал, вынул член и начал кончать ей на животик. Спермы было так много, что первая порция перелетела через неё, вторая шлепнулась на грудь, тут она согнула голову в попытке рассмотреть член, третья и последующие, шлепнулись на лобок. «А член болит». Наверное, когда всовывал, что-то порвал себе тоже.

— Как ты?

— Не знаю еще, — и улыбнулась.

Николай протянул руку к полотенцу и постарался помягче вытереть все свои следы. Потом взял чистый край и промокнул ей между ног. Кровь была. Еще, один раз чистый краешек нашел — опять промокнул, и еще раз, и оставил там, Она посмотрела на него и прижалась.

— Как хорошо с тобой, такой внимательный.

— В душ?

— Ой, а сколько время?

— Думаю, часов семь будет.

— А... Я маме сказала, что буду позже... Женщины всегда так?

Цёмнул её в щеку.

— Себя уже спрашивай.

— Ну, — и губки надула.

— У меня голова кружится, и коленки трясутся, Отвернись, мне в душ нужно.

— Мне тоже, я первый.

У Николая это заняло минуты три. Член точно болел, что-то оторвал, может от уздечки, но крови не было, и ничего не видно было. Ничего, пройдет. Джинсы с трусами в спальне! (Специально для egoto.org — сексителейз.орг) Он вошел голый и начал одеваться. Наташа приподнялась на локтях, лежала и смотрела на него во все глаза. Он лег слева от неё, и отодвинул одеяло — посмотрел на её грудь, потом поцеловал каждую, погладил их. Потом просунул руку под неё, приподнял с кровати и понес в ванную.

— Ой, полотенце.

Включенные лампочки били ей в глаза, она держалась за шею мужчины, и он нес её в ванную. Романтическая картинка. Босые ножки шлепнули на пол.

— Вот пенка, вот свежее полотенце. Мойся, принесу одежду.

В спальне пришлось включить свет. На простыне было розовое пятнышко, он отдернул её — на матрасе почти ничего не было. «Боевые пятна крови» — усмехнулся он про себя.

Полотенце же было не в пятнах, в «шрамах». Наволочка на подушке вся измятая, искусанная — тоже в стирку. Ага, вот футболка, с вырезом. «Это не футболка!». Вот колготы, он вынул трусы, вывернул всё и понес в ванную. «Закрылась!».

Коля вообще не помнил, чтоб этот замок когда-то закрывался. «Он что закрывается?».

— Одежда тут, на ручке, — крикнул и пошел ставить чайник.

Это заняло у неё добрых полчаса, одежда исчезла с ручки ванной, пока он пил чай, её чашка уже остыла. Он уже собрал все бумаги, перепроверил все подписи и печати. Сложил их стопкой, и тут вышла ОНА.

Коля улыбнулся:

— Как ты?

Наташа прижала плечи к шее:

— Нормально.

Он смотрел на нее и улыбался, его первая «первая женщина».

— Пошли чай пить.

Он стоял и смотрел на неё, как она выбирала печенюшку, выпила чашку, а потом виновато:

— Я кушать хочу.

Он улыбнулся еще шире: «Всегда их после этого, кормить нужно».

В холодильнике была колбаса, сыр, и копченые сосиски. Через полчаса спагетти с сыром и с сосисками были выедены подчистую обеими, как приправа служили воспоминания о сегодняшних приключениях на улице. О событиях в спальне не вспоминали — табу. Николай не выдержал — наклонился и поцеловал её, она ответила с улыбкой и чувством. Смущенно заулыбалась.

— Все, пошли, потом приберусь. Машину еще откапывать нужно от снега.

Теперь он подал ей пуховик, и помог одеть сапожки.

— Можно я тебе позвоню?

— Ты номер не знаешь.

И тут она окончательно сразила Николая, продиктовав полностью номер его мобильного телефона.

— Я в больнице запомнила.

«Значит еще тогда все решила».

У Людочки придется завтра «отрабатывать».